

Оглавление

1. Страна сект.....	7
2. Конфессионализм и трайбализм.....	9
3. Смещенная цель насилия.....	11
4. Возобновление насилия.....	13
5. Религиозные клирики и народные массы.....	16
6. Миграция и смена вероисповедания.....	18
7. Друзско-маронитская диалектика.....	21
8. Зачатки идентичности.....	24
9. Ливанская коммунальная квартира.....	26
10. Кризис идентичности в эпоху Шамуна.....	29
11. Американский вектор идентичности маронитов.....	32
12. Суннитская идентичность.....	34
13. Восстание пашей 1958 года.....	38
14. Мнимый золотой век.....	40
15. Ливанская интеллигенция и АУБ.....	44
16. Ливанская горница.....	47
17. Классовая борьба и конфессиональный фактор.....	49
18. Искусство и идентичность.....	52
19. Айн ар-Раммане.....	55
20. Агония гражданской войны.....	57
21. Страх отчуждения.....	59
22. Ирония и маньеризм.....	62
23. Война и кальян.....	64
24. Расслоение ливанской идентичности.....	66
25. Таифское соглашение и идентичность.....	69
26. Идеологический раскол маронизма.....	73
27. Исследователь и потеря идентичности.....	77
28. Безграмотность и конфессионализм.....	82
29. Философия Камала Джумבלата.....	86

30. От Джумבלата к Харири.....	88
31. Конфессиональная диалектика.....	90
32. Проект харирианства.....	94
33. Влияние харирианства на ливанский диалект арабского языка.....	99
34. Ливан как историческая часть Сирии.....	101
35. Хроники Ливанской Республики.....	104
36. Интервью с общественно-политическими деятелями Ливана.....	111
1. Интервью с экс-президентом Амин Жмайель.....	111
2. Интервью с аятоллах М. Х. Фадлалла от 18 августа 2004 г.....	113
3. Интервью с бывшим (первым) генеральным секретарем Хезболла Субхи Туфейли от 10 июля 2006 г.....	116
4. Интервью с шейхом Мухаммад Язбек.....	119
5. Интервью с министром Таяль Сахили.....	130
6. Интервью с министром Ахмад Фатфат.....	133
7. Интервью с верховным муфтием Ливана Мухаммад Рашид Каббани от 19.04.2007 г.....	138
37. Дополнительный материал (приложение).....	140
Список литературы.....	197
Примечания.....	205

*Посвящается памяти отца,
доктора
Фуада Мухиэддина*

Ваши разум и страсть — руль и паруса вашей плывущей по морю души.

Если ваши паруса порваны или сломан руль, вы можете лишь носиться по волнам и плыть по течению либо недвижно стоять в открытом море.

Ибо разум, властвующий один, — сила ограничивающая; а одна страсть — пламя, сжигающее само себя.

Потому пусть ваша душа вознесет ваш разум на вершину страсти, чтоб он смог петь; и пусть она направит вашу страсть разумно, дабы ваша страсть жила, каждый день воскресая, и подобно фениксу возрождалась из пепла.

*Джебран Халиль Джебран,
Пророк,
О разуме и страсти*

1. Страна сект

Ливан представляет собой страну сект. В английском языке термин *sect* широко используется в научно-академической среде и обозначает религиозную группу или конфессию. Ливанский учёный Самир Халаф, получивший докторскую степень в США, предлагает рассматривать конфессии в качестве условных этносов или этнических групп, имеющих свои особенности мировосприятия¹.

Общими чертами каждой секты как конфессиональной общины являются:

- признание членами секты своей религии единственно истинной;

- уничижительное отношение к другим сектам путем посягательства, обвинений в исповедании ложной веры и ереси, роспуска слухов и т. д.;

- ограниченность социальной среды членами конфессии с допущением относительного влияния на элементы других сект;

- политизация религиозных воззрений и использование религии в качестве мобилизационного фактора;

- превознесение себя как спасительного явления для своих членов;

- в условиях кризиса представление других сект, в частности оппонентов, в качестве воплощения зла;

- представление борьбы с иными сектами как судьбоносной, борьбы за выживание, которая мифологизируется и представляет собой борьбу «света с тьмой», т. е. происходит приписывание социально-политическим явлениям мифологических абсолютных черт.

Вражда между сектами (конфессиями, субэтносами²) не всегда вызывает прямое насилие. В условиях, скажем, политического союза политических сил, представляющих разные конфессиональные секты, вражда сглаживается, а представители сект ищут общие черты в диалоге. При этом внутри своих групп члены общины сохраняют латентный потенциал враждебности по отношению к иноверцам.

Приведем пример проявления отношения представителя одной секты к другим.

В мае 2015 года я ехал с одним суннитским хаджи по району Джабаль Любнан³. Он вез меня ознакомиться с жителями образцовой суннитской деревни Шхим. Хаджи был довольно верующим суннитом, что отпечаталось черной меткой на его

луноликом лбу. Про таких обычно говорят «симахум фи ууджухихим», что означает: их сущностные черты отражаются на лицах.

Когда мы проезжали друзские деревни, хаджи заговорил о друзьях, назвав их не просто еретиками, но «не мусульманами». Из уст правоверного суннита это звучит как обвинение в смертельном грехе. Далее он рассказал, что читал книги друзов и даже «Расаиль аль-Хикма» — тайное учение общины «муваххидун». По мнению хаджи друзская религия является помесью индуизма и суеверий, далёких от ислама и являющихся куфром. Однако его неприязнь к друзам не выходила за рамки поношения их вероисповедания, поскольку суннитское движение «Мустакбаль», к которому принадлежал хаджи, пребывало в политическом квазисоюзе с лидером друзов — Валидом Джумблат.

Более резкое отношение проявилось по отношению к алавитам, поскольку они считались и продолжают считаться политическими врагами, и сунниты-харирианцы давно ведут открытую пропаганду против Башара Асада в Сирии и Ливане. Алавитов в самом Ливане мало, но они, по мнению хаджи — не просто кафиры, но поборники зла.

Говоря об алавитах, мой собеседник-информатор сказал, что алавиты поклоняются не Аллаху, а женскому половому органу, пьют алкоголь и занимаются развратом. Если друзья являются закрытой сектой неверных, то алавиты представляют собой активное зло, с которым надо бороться настоящему правоверному мусульманину. В частности, для избавления правоверных братьев суннитов в Сирии от ига «алавитского режима Асада».

Я попытался пошутить, дескать, все мы родились через женский орган, но хаджи не воспринял моей шутки. Для него это вопрос серьезный — вопрос веры.

2. Конфессионализм и трайбализм

В периоды кризисов в Ливане проявляется также черта трайбализма. На самом деле, она существует всегда. В провинции трайбализм проявляется сильнее. Например, в районе Северного Бекаа, где и в период относительного благополучия племенной фактор имел существенное значение.

Следует отметить довольно сложную взаимосвязь конфессионализма и трайбализма. Иногда мы наблюдаем симбиоз, а иногда наоборот, проявляются противоречия.

Приведу пример. Появление Хезболла в Ливане в 1982 году вызвало активность низших слоев шиитского общества, которое инициировал ещё имам Муса Садр в 1978 году, основав Движение Обездоленных. Можно говорить, что Хезболла и АМАЛЬ — это два детища Мусы Садра, который стоял у истоков шиитского пробуждения в Ливане и дал импульс, приведший к появлению Хезболла⁴.

Отличительной чертой Хезболла стала активность бедных слоев населения и появление новых политических активистов, постепенно вытеснявших традиционных лидеров. Это привело к противоречиям между факторами конфессионализма и трайбализма.

Также следует отметить, что Хезболла стала продвигать в политические лидеры маргинальные элементы в крупных и влиятельных племенах, ослабляя авторитет традиционных племенных лидеров.

Если мы посмотрим с точки зрения марксизма, то обнаружим конфуз: радикальная политическая партия с реакционной идеологией действует в рамках классического прогресса, размывая основы трайбализма и выводя на политическую арену обездоленные массы.

Можно было бы привести конкретные примеры конфликта конфессионализма и трайбализма, но пока не целесообразно это делать, поскольку процесс ещё продолжается.

Диалектическое противостояние «конфессионализма-трайбализма» ещё не окончилось и, возможно, появление новых социальных формаций «симбиоза и противоречий».

В условиях города трайбализм ослабевает. Конфессионализм в свою очередь играет роль не столько религиозной духовности, сколько политической идеологии. Конфессионализм в крупных городах, таких как Бейрут, Триполи, Сайда, Сур, играет роль политического маркера, идеологии. Так, можно выделить христиан-аунистов, христиан-куатистов

(Ливанские Силы), суннитов-харирианцев, шиитов-хезбаллашников, шиитов-амалистов, друзов-джумблатистов и т. д. В городских условиях трайбализм ограничивается политическим конфессионализмом. При этом, клановость в политике и бизнесе сохраняется, но клановость — это не одно и то же, что и трайбализм.

Например, есть клан Харири, который узурпировал пьедестал лидерства в суннитской конфессиональной общине после Таифского Соглашения⁵ (1989 г.). Это сравнительно очень небольшое семейство, несравнимое по численности с племенами района Баальбек-Хермель. Тем не менее, клан Харири держал власть за счёт конфессионализма, а не трайбализма.

Когда мы говорим о диалектическом взаимодействии конфессионализма и трайбализма мы как бы упускаем на время фактор светских политических партий. А ведь светские партии также играют важную роль, возможно не такую очевидную, но они способны воздействовать на общую конфигурацию и расстановку политических сил в стране. Где-то светские политические партии являются проявлением замаскированного конфессионализма, а где-то наоборот, трайбализма. Иногда они создают и альтернативные социальные формации, размывающие конфессионально-племенную структуру.

3. Смещенная цель насилия

В своей книге «Цивилизованное (гражданское) и нецивилизованное насилие» Самир Халаф рассматривает природу насилия и его проявления в ливанской действительности. Он указывает на то, что насилие является продуктом социально-политического противостояния при столкновении конфессиональных интересов, атавизмов трайбализма, борьбы общин за пространство (т.н. «торфяные войны» или войны за землю).

Самир Халаф метко подмечает смещение объекта насилия и пишет о том, что «пострадавшая сторона мстит не тому, кто виновен, а тому, кто беззащитен, кто не может постоять за себя»⁶.

Он приводит множество примеров.

Например, убийство президента Башира Жмайеля активистом Сирийской Националистической Социальной Партии Хабибом Шартуни произошло 14 сентября 1982 года. Башир Жмайель был лидером партии Катаиб. Члены этой радикальной христианской партии приняли решение мести и стали мстить... Палестинцам. При поддержке произраильской Армии Юга Ливана и содействии израильской армии, молодчики партии Катаиб проникли в палестинские лагеря Сабра и Шатиля в Бейруте, устроив кровавую резню и перебив женщин, детей и стариков⁷.

16 марта 1977 года был убит лидер Прогрессивной Социалистической Партии. Согласно распространенной версии, которую приводит Халаф в своей книге, убийство было организовано сирийским агентом. Родственники Камалы Джумבלата сразу после убийства устроили страшную резню, 170 христиан из окрестных деревень рядом с поселением аль-Мухтара были убиты⁸.

Автор также упоминает другой случай. Сирийцы убили несколько боевиков партии Катаиб в Восточном Бейруте, после чего Пьер Жмайель ездил на примирение в Дамаск. В то время, когда Жмайель был в Дамаске, члены партии Катаиб устроили резню против мусульман — всех, кто попадался под руку. Они устроили летучие блокпосты и проверяли документы. Если в документе имя и конфессия были исламскими, то людей уводили за угол, на пустырь или за деревья и расстреливали.

Читая аргументы Самира Халафа о смещенном насилии, мне вспомнился диалог Джидду Кришнамурти с собеседниками, записанный в книге «Полет Орла»⁹ в четвертой главе «О насилии». Джидду Кришнамурти не давал определенного

ответа, но постоянно задавал вопросы о происхождении насилия, рассматривая его как присущее человеку свойство.

Когда люди, особенно живущие в общине, переполнены злобой, то в определенный момент они теряют контроль над собой, ищут цель для выплеска своей агрессии. Ищут жертву. Если их главный враг силен и ему не получается отомстить, то мстят тем, кто по мнению обиженных связан с обидчиком. Если не удастся выместить гнев на тех, кто связан с обидчиком, то мстят тому или тем, до кого можно добраться, кого можно убить зверски жестоко, выплеснуть все полыхающее пламя агрессии и гнева.

4. Возобновление насилия

Неопределенность помноженная на бессилие что-либо сделать порождает страх и отчаяние. Психика человека рефлексит, не зависимо от того, насколько он мужественен и храбр. Чем дольше длится это состояние, тем больше накапливается отрицательной разрушительной энергии. Если эта энергия подогревается путем разжигания религиозных чувств, сопровождается давлением на чувство несправедливости, то отрицательная энергия неизбежно выливается в насилие. Человек начинает искать объект для насилия, выплеска своих эмоций, освобождения от невыносимого гнета разрушающей злобы.

В условиях конфессионально-общинного социума, как в Ливане, эта разрушительная энергия набирает большие обороты за счёт замкнутости общин и того, что люди друг друга заводят эмоционально и информационно.

Человек может долго бороться с этим поедающим его изнутри чувством и разрушительной отрицательной энергией, если он взрослый и сознательный. Хотя и он не всегда может сдерживать эмоции. Рациональное мышление сменяется иррациональным сознанием, активируя правое полушарие головного мозга. Особенно подвержены выплеску отрицательной энергии молодые люди, у которых помимо прочего происходит гормональный выплеск, сопровождающийся резкими эмоциональными перепадами и периодическими наплывами сильных эмоций и агрессии.

В таких условиях происходит переход от рационального логического сознания к мифическому, религиозному. Наружу выплёскиваются все старые обиды, сомнения, допущения.

Среди представителей каждой общины появляются свои герои, которые получают лицензию на массовые убийства под религиозными лозунгами.

Рене Жирар пишет: «Религия прикрывает нас от насилия также как насилие ищет прикрития в религии»¹⁰.

Насилие обретает ореол святости, «священной войны». На передний план массового сознания выходит священная религиозная война. В исламе она имеет форму «священного джихада». В христианстве — борьбу за Христа.

Последние годы мы наблюдали на Ближнем Востоке рост исламского радикализма и проявления воинственного кровавого джихада. Не следует при этом забывать, что и в христианстве есть традиция религиозных войн. Если в Европе последние

столетия религиозные страсти были закопаны глубоко, то в Ливане проявления воинственности у христиан были сравнительно недавно.

В 1975 году радикальные христиане атаковали палестинцев и объявили войну палестинским группировкам. В 1982 году молодчики партии Катаиб после убийства президента Башира Жмайеля устроили кровавую резню в лагерях Сабра и Шатилия, зверски убивая женщин, стариков и детей под лозунгами христианства.

Насилие обычно проявляется и выплёскивается не по отношению к сильному противнику, но по отношению к тому, кто наиболее слаб и кого можно убить, выплеснув всю злобу. Опыт гражданской войны в Ливане (1975–1990 гг.) об этом ясно свидетельствует.

Если в 70–89-е годы XX века объектом насилия стали палестинские беженцы, то сегодня ими могут стать сирийские беженцы. Предпосылки к этому весьма серьезные.

Мне приходилось наблюдать некоторые стычки между разгоряченными христианскими молодчиками и сирийскими беженцами. Молодые парни, христиане, самопроизвольно установили блокпост в одном поселении и останавливали сирийцев на мотоциклах, избивая их. Это было в 2017 году. Тогда вмешался один авторитет, представитель шиитского племени, сделав молодым беспредельщикам выговор.

В период выборов президента Сирии в 2021 году колонна сирийских беженцев, направлявшаяся в Бейрут для голосования и поддержки Башара Асада, подверглась нападению христианских молодчиков в районе Нахр аль-Кальб в прибрежной зоне.

У радикальных христиан давно растёт неистовое недовольство по отношению к сирийским беженцам. В целом, все христиане выступают за скорейшее выселение сирийских и палестинских беженцев из Ливана. Есть те, кто хочет решения проблемы мирным путём, но всегда есть и радикальные элементы.

Не следует забывать о воинственности такой политической партии как Ливанские Силы. Помимо кедра в красном круге у них есть и другой символ — крест с заострённым в виде лезвия меча низом.

На сегодняшний день¹¹ ЛС состоят в союзе с суннитским движением Мустакбаль, которое выступает в поддержку сирийских беженцев. Харирианцам согласно их логике, выгодно усиление позиций суннитов за счёт притока сирийских

беженцев, тоже суннитов. Мустакбаль и ЛС совместно выступают против Башара Асада. Однако укоренение сирийских беженцев в Ливане, в особенности в районах доминирования христиан, рассматривается ЛС как угроза христианам, поскольку полностью меняет конфессиональный баланс в стране. Если сегодня, в 2021 году, сохраняется некий баланс (грубо говоря, треть населения — христиане, треть — сунниты, треть — шииты), то при учёте палестинских и сирийских беженцев картина кардинально меняется, т. к. беженцы составляют по примерным оценкам около двух миллионов людей, что около половины от всех граждан Ливана. Натурализация сирийских и палестинских беженцев неизбежно приведет к исламизации страны.

В этой связи становится актуальной позиция Самира Джааджаа по федерализации государства и создания христианского кантона. Для создания такого кантона (субъекта федерации) Ливанским Силам придется «очистить» территорию, где доминирует христианское население, от мусульман, в частности от сирийских беженцев.

Это грозит стычками и столкновениями. Например, в провинциях Жбейль и Кесеруан, где есть шиитское население. А также других районах, где есть беженцы.

Сложной может оказаться ситуация в горном Ливане, где есть смешанные деревни и поселения. Противостояние может набрать обороты в Захле и окрестностях города, поскольку вокруг города растут мусульманские поселения, а также есть сирийские лагеря.

Чем дольше длится кризис в Ливане, тем актуальней звучит идея федерализации. Чем актуальней становится федерализация страны, тем актуальней становится проявление агрессии и выплеска насилия.

С одной стороны, активность набирают политические силы, прикрывающиеся религиозной риторикой; с другой — можно будет наблюдать активизацию светских партий, у которых свои «священные войны».

У коммунистов, например, становится все более актуальной борьба за права рабочих, что усиливает их позиции в профсоюзах.

В целом, Ливан планомерно погружается в фазу горячего гражданского противостояния. Если есть негативная энергия, то она неизбежно будет выплеснута. Вопрос состоит в том, как все это произойдет?

5. Религиозные клирики и народные массы

Ливан: союз религиозных клириков и народных масс.

В Италии в эпоху Возрождения наблюдался союз церкви и феодалов, который противостоял бурному росту торговых центров и класса буржуазии.

В Ливане в XIX веке мы наблюдаем несколько иную картину. Церковные клирики вступают в союз с крестьянами и подстрекают их на борьбу с феодалами, что привело к восстаниям в 1820, 1840 и 1860 годах и другим разным стычкам между крестьянами и крупными феодалами.

Феодалы были представлены крупными родовыми кланами:

- эмирами Шхаб (марониты, друзы);
- эмирами Аби-Лама (марониты, происходящие из рода

Омеядов);

- эмирами Арслан (друзы);
- Музхир (друзы);
- Джумблат (друзы);
- Имад (друзы);
- Абу Накад (друзы);
- Талхук (друзы);
- Абдель-Малик (друзы);
- Хазин (марониты);
- Хбайш (марониты);
- Дахдах (марониты).

Эти роды представляли собой конгломерацию «больших шейхов» — «аль-машаих аль-кибар». Были и другие феодалы, такие как Хамаде, Дахир, Азар¹².

В XIX веке активность набирают христианские монашеские ордена, которые открывают школы, занимаются книгопечатанием, производством вина и спиртных напитков, ремеслами и приобретают земли, на которых работают крестьяне.

Харик отмечает, что если в XVIII веке высшие эшелоны церковных клириков состояли из нотаблей, то в XIX веке численность выходцев из простолюдинов в высшей церковной иерархии значительно превышает простолюдинов¹³.

Камаль Салиби¹⁴ и Альберт Хурани указывают на влияние церковного клира на простолюдинов «аммийа», что приводит к формированию маронитской идеологии¹⁵.

Маронитская идеология сформировалась в процессе противостояния крестьян феодализму. Эта идеология общественно-

политического маронизма легла в основу формирования ливанской государственности в 1921 году.

Союз церковного клира и крестьян привел к изменению структуры общества. В XX веке мы наблюдаем безуспешную попытку Камаля Джумבלата вернуть друзьям господствующие позиции в Ливане, но уже под лозунгами социализма и прогресса. Возможно, движение Камаля Джумבלата достигло бы своей цели, если бы не внешнее вмешательство, подорвавшее позиции Ливанского Патриотического Движения, возглавляемого Джумблатом.

Определенной калькой опыта маронитской церкви стал процесс становления шиитской общины, начатый имамом Мусой ас-Садром в 70-е годы прошлого века. Мы наблюдаем снова союз религиозных клириков и народных масс, в основном крестьян.

В 1982 году появилась Хезболла, которая привлекла в свои структуры выходцев из бедных слоев населения — «амийа». Целенаправленная политика Хезболла на ослабление авторитета шейхов племен и крупных родов сопровождалась выводом на арену выходцев из простолюдин и небольших родов.

6. Миграция и смена вероисповедания

12 августа 2019 года меня пригласил на заклание барана и отмечание Курбан Байрама шейх Саад Хамаде, избранный предводителем племени Бани Халед. Я с удовольствием принял приглашение и посетил данное мероприятие, проводимое в родном имении шейха в городе Хермель. Дед Саада Хамаде был первым председателем парламента Ливана при получении страной независимости в 1943 году и одним из трех главных политиков, провозгласивших «Национальный Пакт» в качестве основного неписанного договора между тремя крупнейшими конфессиями страны — христианами (маронитами), суннитами и шиитами¹⁶.

Шейх Саад Хамаде — шиит. На обеде собрались бедуины Бани Халид, с которыми у меня сложилась дружеская беседа. Один бедуин по имени Мухаммад поведал мне о происхождении племени и его географическом распространении. Бани Халед — это племя, к которому принадлежал известный исламский полководец и сподвижник пророка — Халед Ибн аль-Валид, который не был пробандом племени, но только его членом.

Племя Бани Халед является одним из крупнейших племен Сирии. Ореол проживания охватывает Ливан, Сирию, Ирак, Иорданию, Саудовскую Аравию и даже Турцию.

Мухаммад рассказал, что племя включает в себя много родов, в том числе род Хамаде и конгломерацию родовых племен, известных как «аль-кабаиль аль-Хамидийа». Среди представителей племени есть бедуины и оседлые. Бедуины — сунниты. Мухаммад сказал, что они пытаются собрать племя воедино. Возможно, в будущем, по мнению моего собеседника, они смогут создать даже свое государство в Аравии. Мухаммад показал мне набросок карты этого виртуального государства.

В Ливане среди рода Хамаде есть друзья и шииты.

Мне интересно стало узнать у шейха Саада, как он видит будущее Ливана. Ведь его дед был председателем парламента, а у его семьи тесные исторические связи с маронитским патриархатом и личные отношения с кардиналом маронитской церкви Бшара ар-Раи.

Ко всему прочему, отец шейха Саада был доверенным лицом Хафеза Асада в Ливане, так что отношения с Дамаском более чем дружественные. Также отец шейха, шейх Фаузи Хамаде, имел хорошие связи с режимом Каддафи в Ливии.

Шейх Саад сказал, что Ливан скатывается в неизвестность. У его брата, Шарифа, возникли проблемы с сыновьями Ихаба Хамаде, депутата парламента, избранного от Хезболлы.

После обеда шейх Саад попросил меня остаться на семейный племенной разговор. Решался вопрос действий в отношении проблем с родственником, депутатом от Хезболлы. Будучи свидетелем данного разговора, я не могу открыто написать о деталях, т. к. стал по обстоятельству посвященным во внутренние разборки рода. Могу лишь высказать мнение стороннего наблюдателя, что Хезболла могла призвать Ихаба Хамаде в свои ряды, чтобы ослабить позиции шейха Саада Хамаде.

Мне удалось воочию созерцать конфликт интересов разных социальных классов и мировосприятий. Хезболла — религиозная шиитская партия, подрывающая своей активностью позиции традиционных вождей племен и традиционных феодалов.

Уже после мероприятия у меня возник вопрос: почему так исторически сложилось, что представители одного рода принадлежат к разным конфессиям?

Род Хамаде представлен в Ливане друзьями и шиитами. При этом шейх рода — шиит. В парламенте представлены два человека из рода Хамаде. Один шиит и представляет Хезболлу, другой, Маруан Хамаде, — друг и является членом Социалистической Прогрессивной Партии.

Род Язбек — это род традиционных друзских эмиров. Но есть Язбек и шииты, проживающие в Баальбеке. Например, представитель имама Хаменеи по делам шариата в Ливане и член управляющего совета Хезболлы — шейх Мухаммад Язбек.

Друзский род Джумблат — это традиционные феодалы, принадлежащие к числу «больших шейхов» («аль-машаих аль-кибар»), управлявших Ливаном в XIX веке. В провинции Баальбек-Хермель тоже есть род Джумблат, но шиитский.

Шииты Язбек и Джумблат не являются крупными или сильными традиционными феодалами. Наоборот, это представители простолюдинов — «амийа». Мухаммад Язбек является религиозным шейхом, а не наследственным шейхом в смысле главы крупного рода или представителя феодальной знати.

Возможно, некоторые шиитские роды стали ответвленными от друзских. Сам шейх Саад утверждает, что род Хамаде, проживающий в Хермеле, до кровавых событий 1860 года, обитал в Библосе. Хамаде, проживавшие в Библосе исповедовали шиизм, тогда как их соплеменники в Горах Ливана — друзы.

В этой связи возникает вопрос: почему представители одного и того же рода, но проживающие в разных районах

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru